

**ВАРИАТИВНОСТЬ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО
ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА В СВЕТЕ
ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ**

Хомидова Мадинабону Иномжон кизи
магистрант Узбекского государственного
университета мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Аннотация: В статье исследуется вариативность флексий родительного падежа множественного числа существительных мужского рода (нулевая флексия Ø vs. окончания -ов / -ев / -ей) в современном русском языке под углом зрения дискурсивно-прагматической и функционально-стилистической дифференциации. На материале современного коммуникативного пространства анализируются механизмы выбора окончания в профессиональном, научно-техническом, разговорном и медийном дискурсах. Установлено, что колебания нормы обусловлены действием прагматического принципа языковой экономии, разграничением обиходной и терминологической номинаций, а также различной степенью кодифицированности форм в специализированных сферах общения.

Ключевые слова: родительный падеж, множественное число, вариативность флексий, нулевая флексия, прагматика, дискурс, стилистическая дифференциация, языковая экономия.

**VARIABILITY OF THE GENITIVE PLURAL OF MASCULINE NOUNS IN
THE LIGHT OF DISCURSIVE-PRAGMATIC DIFFERENTIATION**

Abstract: The article examines the inflectional variability of genitive plural masculine nouns (the zero inflection Ø vs. the inflections -ov / -ev / -ej) in Modern Russian through the lens of discursive-pragmatic and functional-stylistic differentiation. Based on contemporary communicative practice, the mechanisms governing inflection choice across professional, scientific-technical, colloquial, and media discourses are analyzed. It is established that normative fluctuations are driven by the pragmatic principle of linguistic economy, the distinction between everyday and terminological nominations, and varying degrees of codification across specialized communicative spheres.

Keywords: genitive plural, plural number, inflectional variability, zero inflection, pragmatics, discourse, stylistic differentiation, linguistic economy.

Современное состояние морфологической системы русского языка демонстрирует высокое напряжение в зонах вариативности падежных форм, где выбор грамматической флексии перестаёт быть сугубо морфонологической данностью и приобретает прагматическую и стилистическую нагруженность [1, с.18]. Ключевым участником этой вариативности выступает форма родительного падежа

множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный, где регулярно соперничают нулевое окончание (Ø) и маркер *-ов / -ев / -ей* [3, с. 115]. Если в рамках системно-структурного описания приоритет отдается синтаксическим и семантическим фильтрам, то дискурсивно-прагматический подход позволяет увидеть, как выбор формы определяется социальной сферой общения, статусом коммуникантов и прагматической установкой высказывания [6, с. 112].

Главным двигателем сохранения и распространения нулевой флексии Ø в современном коммуникативном пространстве выступает прагматический закон экономии языковых средств [4, с. 162]. В профессиональном и научно-техническом дискурсе (включая сферы ИТ, физики, радиотехники и торговли) наблюдается выраженная тенденция к сокращению слоговой структуры слова при регулярном счете. Формы *256 байт Ø, 100 ватт Ø, 50 ампер Ø, 10 килограмм Ø* воспринимаются носителями профессионального языка как более экономные, строгие и терминологически точные [5, с. 488]. Напротив, в общеупотребительной речи, художественном тексте и средствах массовой информации те же лексемы вне жесткого контекста квантификации охотно принимают флексию *-ов* (*программа на несколько гигабайтов, избавиться от лишних килограммов*) [6, с. 118]. Таким образом, возникающая оппозиция отражает не просто вариативность нормы, а функциональное разделение на профессионально-терминологический и общеупотребительный регистры.

Стилевая дифференциация отчетливо проявляется и при анализе бытовой и обиходной лексики, в частности наименований предметов одежды, обуви и парных предметов [2, с. 140]. В синхронной кодифицированной норме наблюдается асимметрия: с одной стороны, формы *сапог Ø, ботинок Ø, чулок Ø* прочно закреплены в качестве единственно нормативных для литературного языка [3, с. 84]. С другой стороны, в лексической единице *носки* нормативным признается вариант *носков*, в то время как форма *носок Ø* вытеснена в сферу разговорной речи или квалифицируется как речевая погрешность [4, с. 168]. Прагматический анализ показывает, что в повседневной разговорной практике происходит обратный процесс аналогового выравнивания: носители языка стремятся сблизить парадигму слова *носки* с другими названиями обуви и белья, что приводит к высокой частотности флексии Ø (*пара носок Ø*) вопреки словарной кодификации.

Особый прагматический ракурс представляет функционирование этнонимов и наименований лиц по принадлежности к родам войск [5, с. 490]. В официальном, публицистическом и академическом дискурсах этнонимы с основой на *-[н]* и *-[р]* устойчиво сохраняют нулевую флексию (*группа туркмен Ø, делегация башкир Ø, поселение цыган Ø*) [2, с. 145]. Однако при переходе текста в стилистически сниженный или сниженно-разговорный регистр наблюдается экспрессивное добавление флексии *-ов* (*грузинов, туркменов, цыганов*), которая в данном контексте начинает выполнять маркерную функцию стилистической небрежности или просторечия [6, с. 125]. Аналогичным образом наименования военных (*солдат Ø, партизан Ø, гусар Ø*) в

публичном дискурсе консервируют флексию Ø как знак официального наименования воинского контингента.

Заключительным фактором дискурсивной дифференциации выступает динамика освоения новых заимствований [3, с. 310]. Поступающие в язык заимствованные существительные мужского рода на согласный на начальном этапе находятся в зоне неопределенности: с одной стороны, их привлекает универсальная морфологическая модель II склонения с флексией *-ов* (*компьютеров, снайперов*), с другой — при включении слова в счетный или профессиональный контекст срабатывает установка на нулевую флексию (*пиксель Ø, бод Ø*) [4, с. 172].

Подводя итог дискурсивно-прагматическому анализу, можно сделать вывод, что колебание форм родительного падежа множественного числа в современном русском языке служит важным инструментом тонкой настройки стиля и коммуникативной ситуации. Нулевая флексия Ø выступает маркером профессиональной точности, сжатости и официальности, в то время как окончания *-ов / -ев / -ей* выполняют роль универсального, стилистически нейтрального показателя падежа в общепотребительной речи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдурахманов Ф. И. Сравнительно-сопоставительный метод при изучении семантики трехактантных моделей предложения // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан. – 2022. – С. 16-20.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 5-е изд., испр. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 800 с.
4. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык. Морфология. — М.: Академия, 2014. — 448 с.
5. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Аксиоматика, фонология, морфонология, морфология. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
6. Шмелев А. Д. Динамика языковой нормы и данные Корпуса // Информационные структуры в языке и речевой деятельности. — СПб., 2018. — С. 112–128.